

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 21:14

© 2015 г.

М.И. Билалов

**ОТ ЕДИНИЧНОГО И УНИКАЛЬНОГО
ДО ВСЕОБЩЕГО И УНИВЕРСАЛЬНОГО**

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, e-mail: mibil@mail.ru

---

Аннотация. Глобализационные угрозы самобытности народов требуют от научного сообщества пристального изучения их духа с целью сохранения того значимого, что составляет их этническую и национальную идентичность. Однако современная этнография и в целом гуманитаристика не справляются с задачей глубокого осмысления культур многочисленных дагестанских и других этносов российского Юга, зачастую ограничиваясь эмпирическим выпячиванием в них уникального и экзотического. В тени остаются всеобщее и универсальное этих народностей, особенное человечества как общее российских народов. В статье рассматриваются также особенное дагестанцев как общее коренных этносов. Таким образом, их идентичность представлена как единичное и уникальное плюс вполне определенная иерархия особенного, общего и универсального.

Ключевые слова: этнос, нация, дух, культура, единичное, уникальное, особенное, общее, универсальное, иерархия, религия, суфизм, евразийство.

В течение ряда десятилетий предмет моих научных изысканий тесно связан с изучением культуры познания (познавательной культуры) вообще и дагестанцев в частности. Такая задача позволяет дать представление и о более широкой задаче – специфических чертах духа

наших этносов в сопоставлении с более общими и универсальными признаками народов мира.

Всеобщее и универсальное в культуре дагестанцев. Дагестанские народности в своем общественном сознании и культуре имеют, как и все другие народы, ценности глобального характера – это всеобщее и универсальное. Есть так называемые культурные универсалии – это категории, отражающие общность человеческого существования, свойственную различным культурам мира (независимо от исторического периода, географического местоположения, а также общественного устройства), существующие в результате наличия общечеловеческих биологических, психологических факторов и процессов социального взаимодействия. Антрополог К. Уисслер представил перечень девяти базовых принципов, свойственных всем культурам: «речь (язык), материальные черты, искусство, мифология и научное знание, религиозная практика, семья и социальная система, собственность, правительство, война» [12].

Так, К. Клакхон говорил о существовании четко определяемых ограничений внутри каждой культурной вариации, регулируемых посредством общечеловеческих биологических, психологических факторов и процессов социального взаимодействия. Он стремился выявить, «имеют ли эти ограничения значение для категорий культуры» [5, с. 111]. К. Клакхон склонялся к поискам основополагающего принципа универсалий культуры в биологических предпосылках («существование двух полов; беспомощность детей; необходимость... в пище, тепле, сексе; наличие индивидов различного возраста и различных физических и других способностей» [5, с. 134]). Здесь взгляды К. Клакхона близки идеям другого антрополога – Дж. Мердока, пытавшегося создать концепцию универсальной культурной модели. В середине XX в. Дж. Мердок выделил 60 единых для всех народов универсалий культуры, в число которых входят изготовление орудий труда, украшения тела, совместный труд, сексуальные ограничения, спорт, танцы, язык, религиозные обряды и т.д. [11, с. 608].

Эти общие рассуждения отнюдь не лишны для познания духовного облика конкретных, в данном случае дагестанских, народов. Зачастую наши историки и культурологи даже всеобщее представляют как особенное и даже единичное, только нашим этносам присущее. В то же время можно определить повторяющиеся типовые аспекты жизни, но содержание их будет несхожим в разных культурах. Если даже определенные элементы культуры для всех народов одинаковы, то специфика культур определяется порядком сцепления этих элементов.

Конечно, познавать дагестанские народы через общее и универсальное – то же самое, что познавать все человечество. Можно согласиться с тем, что «существуют основополагающие ценности, являющиеся базовыми для мировой цивилизации, выработанные в рамках монотеистических религий (иудаизм, христианство, ислам) и мировых философских систем (индуистская, буддистская, конфуцианская, лаосская, древнегреческая философии и др.)» – свобода, равенство, солидарность, толерантность, экофильность, устойчивость развития, которые «могут стать основой глобального сознания» [6, с. 299]. В. Лось перечисляет религиозные ценности, являющиеся базовыми для современной мировой цивилизации и устойчивые к угрозам глобализации. Но русский евразийский дух близок мусульманским этносам России не только близостью православия к исламу, нежели к католичеству и протестантизму. Российский Кавказ исторически культивирует суфийский ислам, который, как нам представляется, содержит множество общих с евразийством элементов. При этом оговариваемся: религия, хотя и является важным культурообразующим фактором, не служит единственной основой духовной близости народов.

Особенное человечества и общее российских народов. Переходя к более продуктивной задаче – дать представление о специфических чертах духа наших этносов, отметим, что и география, и история, и общественный строй бытия наших народов не предстают как изолированные от окружающей социальной действительности образования. Потому наше особенное имеет много общего с достаточно большим ареалом человечества, т.е. мы (в соответствии с законами диалектики) реально фиксируем, как специфическое, особенное становится общим, общее – всеобщим...

Отталкиваясь от такой методологии первым общим нашей особенности будет евразийство – особый этнографический мир, занимающий обширное срединное пространство двух материков – Азии и Европы. Этому миру принадлежит своя специфическая культура, самобытный синтез и западной, и южной (по преимуществу византийской), и восточной культур, выступавших на первый план на разных этапах исторического становления России. Множество народов этого мира придало ему некое общее, но в синтезировании его и придании ему целостности – особая заслуга русского этноса. В рассмотрении духовной культуры, в основе которой лежат традиционные ценности российских народов, следует также исходить из того основного методологического требования, которое мы обнаруживаем у М. Элиаде, утверждающего, что одинаковые «мифы, обряды и техники экстаза за-

фиксированы в более или менее “чистой” форме у всех индоевропейских народов», что «индоевропейская религия морфологически и основными чертами похожа на религию тюрко-татар» [1, с. 353]. Уточняя эту мысль и обращаясь к не столь далеким во времени духовным истокам народов, можно убедиться, что общность даже географически значительно отдаленных этносов демонстрируется таким исторически значимым явлением культуры, как суфизм. Становясь впоследствии традиционным для Средней Азии, Северного Кавказа и Дагестана исламом, суфизм формируется как синтез многих верований и этнических традиций, пронизывает всю культуру их народов, причем всеобщими общемировыми тенденциями и параметрами.

По существу, мы выявляем то устойчивое в дагестанской национальной идентичности, что способно противостоять угрозам глобализации. Вот почему это предстанет не как универсальное или общее, а как особенное. Но что является тем особенным, что составляет базовые ценности единства народов евразийского мира? Оно, на наш взгляд, состоит из общности суфизма и евразийства, из синтетических религиозных и ментальных элементов духа этносов, которые в свою очередь продуцированы веками из природно-климатических, географических, социально-экономических и т.п. истоков, которые могут быть названы кодовыми, генетическими истоками духа и культуры.

В цивилизационных истоках национального духа евразийских народов есть изначальная ориентация не на всевозрастающее материальное производство и потребительство, а на аскетическую умеренность, основанную на приоритете духовных ценностей. Но не только это сближает евразийство с суфизмом. Среди идеалов евразийства доминируют такие ценности, как чувственность, сердечность, бессердечному европейскому рационализму противостоит теплота человеческих отношений и самопожертвование, индивидуализму – братская взаимопомощь и коллективизм.

Эти ценности близки и суфизму. Но суфизм примечателен специфической стратегией и стилем мышления. Антропологи давно заметили, что перечень культурных универсалий нужно дополнить ценностями и образом мышления (К. Клакхон) [3]. Соглашаясь с монизмом мутазилитов, суфизм решительно расходится с их интеллектуализмом, делая ставку, как впоследствии и евразийство, не на рассудочную способность человека, а на иррациональную, недостижимую даже разумом любовь в познании Бога.

Скажем, тот же иррационализм, формами проявления которого нередко оказываются вера и интуиция, заметно сказывается в традици-

ях и обычаях его исповедующих народов [14]. С иррационализмом и мистицизмом проповедующих суфийский ислам народов связана их немногословность, даже культивирование молчаливости в их образе жизни. Молчание в суфизме обретает не просто символический смысл, оно глубоко укоренено в интеллектуальную жизнь этносов, экстраполируясь на иные проявления духа и суфийскую ритуальную практику.

Духовное родство русских и северокавказских этносов зиждется на сходном толковании их религиями такой ключевой ценности духа, как духовное. Исследователи отмечают, что «в исламе вырабатывается учение, где духовное разъясняется как некое начало универсума и социума, соединяющее в себе божественное и земное, вечное и временное, потенциальное и актуальное (творение из ничего), сакральное и человеческое» и «в соответствии с кораническим представлением мир духовного состоит из трех сфер: 1) божественный дух; 2) человеческий дух (душа); 3) духовное как коллективный разум социума, который скрепляет и облагораживает мусульманскую умму (общину)» [2, с. 206–207]. Именно такое духовное – как коллективный разум социума, как синтезирование человеческого и божественного – имеет отношение к духу многих российских этносов.

Применительно к христианству духовное как соотношение и слияние человеческого и божественного поясняет Н. Бердяев. Он обращал внимание на то, что духовность может быть и бесчеловечной, враждебной человеку, тогда как человеческая «духовность есть не только восхождение, но нисхождение», т. е. соединение человеческого с божественным. Именно на этом «нисхождении», соединении человеческого с божественным, духовность становится человеческой. При этом «человек должен принять на себя ответственность не только за свою судьбу и судьбу своих ближних, но и за судьбу своего народа, человечества и мира» [4, с. 444]. Вот почему в содержании национального сознания и культуры народов православия и полиэтнического российского Кавказа заметны следы таких исконно религиозных черт, как провиденциализм, креационизм, телеологизм, эсхатологизм, трансцендентизм, имманентизм, фатализм, нетерпимость, фанатизм и т.п., которые пронизывают все ступени и уровни духовной и познавательной активности людей. И когда, справедливо отмечая, что «религия определила роль духовной субстанции, позволившей кавказским этносам сохранить этническую самобытность и аутентичность», добавляют: «существенная разница в мировоззрении, укладе жизни малых народов Кавказа и государствообразующей русской нации не могла не стать угрозой целостности Советского Союза и Российской Федерации» [5,

с. 99], надо учесть соображения о единстве в истоках суфизма и евразийства. Эта разница не столь существенна из-за доминирования в мировоззрении религии и ее ключевых ценностей. Нетрудно заметить в качестве общих истоков евразийских народов и то, что выступает методологическими чертами религиозного мышления – догматизм, консерватизм, авторитаризм и схоластичность, а мировоззренческими принципами – мистицизм и идеализм. Настоящую же угрозу национальной целостности России представляют либеральные идеи, которые сыграли в свое время в истории России «важную роль в подрыве монархического мировоззрения и способствовали модернизации российского общественного сознания. Оставив заметный след в политике и культуре, но не имея серьезной социальной основы, либерализм изжил себя» [9, с. 153].

Этот факт не до конца осознан даже официальной политикой РФ, во всяком случае реальный поворот от слепого копирования Запада и подчинения его политике наметился лишь в последние месяцы – в связи с событиями на Юге-Востоке Украины.

Говоря о единых духовных ценностях евразийских этносов, надо учесть не только исторические традиции, но и духовную ситуацию нынешнего времени. Поскольку формирование общедагестанской и общероссийской идентичности осуществляется в условиях культурного плюрализма, в условиях засилья информационных технологий и интернет-культуры, постольку поиск и нахождение общенациональной идеи и общественной идеологии весьма проблематичны. Вот почему мы обращаем внимание на то, что они должны составлять фундаментальные, емкие, интегральные духовные интенции, детерминированные специфическими истоками, то, что может быть названо на языке философии онтологической основой человеческой духовности – разума, творчества, воли, эмоций, морали, свободы... Если у народов есть ценности, которые устойчивы в эпоху глобализации, то именно они являются их идентификационными признаками, и именно на их базе возможно сближение и единство народов.

Разумеется, общность духовных ценностей евразийских этносов не может быть сведена к общности их религиозных и иных евразийских черт. Как евразийство выходит за пределы своего ядра – православия, заимствованиями из этнических культур, так и духовная структура северокавказских этносов обрамляет их традиционный ислам (суфизм) многообразием адатской культуры, языческими истоками. Плюс ко всему мощное влияние на дух этих народов современной

культуры техногенной цивилизации – постмодернизма, интернет-культуры, виртуальной реальности...

Особенное Дагестана – общее его этносов. Но это сложное духовное и идеальное образование имеет глубинные особенные объективные истоки и применительно к тем же народам Дагестана. Эта онтологическая основа их духа (очередное особенное, являющееся общим для дагестанских народов), на наш взгляд, образует глубинные ментальные и культурно-генетические кодовые ценности: единое географическое пространство гор и равнины с растянутой зоной морского побережья, общность исторической судьбы этносов, выживавших на перекрестке цивилизаций, адаптированное к языческим адатам и обычаям мусульманство, иррациональность и мистическая интуитивность менталитета и психологии как доминирование в общественном сознании суфийского (традиционного) ислама, патриархальный архаизм тухумных отношений, авторитаризм, коммунитаризм с истоками в джамаатстве с последующей трансформацией социалистическим коллективизмом, равновесие с природой с элементами слабого господства над ней, аскетическое самоограничение в личностном самосовершенствовании, традиционализм и консерватизм национальной культуры...

Для пояснения нашей позиции уместно ввести в аксиологию концепты вертикальной и горизонтальной иерархии ценностей. Вертикальная иерархия характеризует детерминирующие и детерминируемые ценности. Онтологические основания порождают первый уровень ценностей, которые, надо полагать, отнюдь не в линейной детерминации порождают последующие в вертикальной иерархии ценностей. Наверное, первый уровень ценностей образует базовые ценности, которые, кстати, порождают конкретные мыслительные стили, поведенческие нормы, традиции и другие вертикальные ценности. Образуя онтологическую основу духа, истоки-интенции организуют смыслообразующую функцию сознания по отношению к действительности, предстают как механизм всего процесса освоения культуры и культуротворчества, порождая на каждом уровне горизонтальные иерархии. Интегральные базовые ценности имеют множество (как положительных, так и негативных) эмпирических проявлений в познании и поведении (иррациональность, субъективность, консервативность, мистическая интуиция, категоричность, горячность, упрямство), в религиозной вере (провиденциализм, креационизм, телеологизм, эсхатологизм, трансцендентизм, фатализм), в общении как моральные нормы (ях, намус, гостеприимство, уважение к старшим, кровная месть) и др.

Единичное и уникальное плюс иерархия особенного, общего и универсального. Где-то эти истоки и эмпирические проявления пересекаются с содержанием духовной конструкции других немусульманских народов России, где-то образуют специфику духа и культуры дагестанцев в специфических иерархических связях. И эта иерархия начинается с самых верхних этажей – универсального и всеобщего. Те же перечисленные выше В. Лось основополагающие в мировой цивилизации базовые ценности для христианства могут в горизонтальной иерархии располагаться как свобода, устойчивость развития, равенство, толерантность, экофильность, солидарность, для ислама – то же, но уже в несколько иной иерархии – равенство, экофильность, солидарность, толерантность, свобода, устойчивость развития...

В рамках данного проекта будут предложены отзывы и мнения в основном о тех или иных народностях Дагестана. И здесь сложилась методологически неэффективная, точнее порочная, познавательная традиция, представляющая этносы историческими и бытовыми эмпирическими фактами, которые не позволяют заглянуть в их глубинную специфику сознания и культуры. И горизонтальная, и вертикальная иерархии не рассматриваются в целостной системе, как правило, из них вырывается что-то одно, скажем, из горизонтальной – мораль, а из вертикальной – консерватизм или традиционализм. Такой подход существенно сужает возможности описания духовного портрета народов, сведя анализ к изложению тех или иных единичных проявлений представителей этносов и неправомерного их обобщения до особенного конкретной народности.

В результате так сложилось, что вместо сложного культурно-психологического состояния этноса мы в нашей дагестанской этнографии и гуманитаристике имеем о наших этносах набор бессвязных единичных фактов. А ведь отечественная философия, культурология и психология дали примеры блестящего постижения русского духа в трудах Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.И. Герцена, Н.Я. Данилевского, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, В.С. Соловьёва, Л.Н. Толстого, Н.С. Трубецкого, Н.Г. Чернышевского... У них надо учиться той системности, сочетающей противоположности, скрупулезно расставляющей причинно-следственные связи, всеобъемлющего учета иерархии составляющих этнической духовной и культурной жизни. У наших дагестанских народностей, возможно, за счет уникальности и единичности разбросанных по горам и ущельям аулов односельчан, как ни у кого другого в истории, широк диапазон свойств и качеств духа. Но их духовный портрет не должен состоять из этой весьма ограниченной части всего целого –

уникальности и единичности. Не в неповторимых узорах резьбы по дереву и ковроткачества, не в специфическом вкусе лепешек из тындыра и мелодий на пандуре заключен наш дух. До этого куска, до этой вершины айсберга, значительную часть духа составляют реалии и пласты культуры и сознания, состоящие в специфических сцеплениях и иерархиях универсального, всеобщего, общего и особенного. И постичь этот диапазон предстоит нашей этнографии и всей гуманитаристике, осмыслением всех этих «измов» (провиденциализм, креационизм, телеологизм, эсхатологизм, трансцендентизм, имманентизм, фатализм) и других терминов (нетерпимость, иррациональность, субъективность, консервативность, экофильность, солидарность, толерантность, свобода, устойчивость развития), которые, кстати, разъясняются современным образованием, даже в технических вузах.

И если ученые решают актуальные для сохранения этнической целостности России задачи, в том числе изучения историко-культурного единства народов России, ее статуса как особого политико-цивилизационного образования и культурно-цивилизационной идентичности российских этносов, они должны обратиться к фундаментальным духовным основам народов. Только так можно уяснить причины кризисных проявлений в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Задача ученых также в том, чтобы, в целом сохраняя базовые ценности – культурные интенции (если мы хотим сохранить дагестанскую идентичность), оптимизировать их в органическую систему, придать им максимальную иерархию и предложить перспективную линию их развития, обогатить их новыми региональными и универсальными нормами и идеалами, в определенной степени устойчивыми к разрушительным силам глобализации.

Таким образом, совершенствованная ценностная система должна лечь в основу цивилизационной перспективы наших народов, стать идеей и идеологией нашего будущего.

Литература

1. Баранец А.А. Транс-феномен мистицизма как культурный фенотип в христианстве и исламе // Христианство и культура. К 2000-летию христианства. Ч. II. Астрахань, 2000.

2. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого / вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. М., 2003.

References

1. Baranets A. A. Trans-phenomenon of mysticism as a cultural phenotype in Christianity and Islam // Christianity and culture. To the 2000 anniversary of Christianity. P. II. Astrakhan, 2000.

2. Berdyaev N. A. The existential dialectic of the divine and human // Berdyaev N. A. The dialectic of the divine and human / takes. Art. and status. C. N. Kalyuzhny. M., 2003.

3. См. об этом: *Билалов М.И.* Гносеологические идеи в религиозном сознании. М., 2003.
  4. *Дзутцев Х.В.* Причины межнациональной напряженности и экстремизма в республиках Северо-Кавказского федерального округа России // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2.
  5. *Клакхон К.* Универсальные категории культуры // *Личность. Культура. Общество.* 2001. Т. 3, вып. 2 (8).
  6. Культура и ее функции. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index172428.html?page=5> (дата обращения: 20.07.2013).
  7. *Кушаков Ш.С.* Проблема духовного в теологии и философии мусульманского Востока // *Исламская культура и мировая цивилизация* / под ред. Д.А. Гущина, Ю.Н. Солонина, М. Санаи. СПб., 2001.
  8. *Лось В.А.* Глобализация культуры как основа взаимодействия вестернизации и ориентализации // *Диалог культур в условиях глобализации: материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева* / под общ. ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н.; ответ. ред. Гезалов А.А., Мамед-заде И.Р. М., 2012.
  9. *Маршак А.Л.* Социокультурная идентичность: ценности, смыслы и содержания // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2.
  10. *Мердок Дж. П.* Социальная структура. М., 2003.
  11. *Резник Ю.М.* Культура как предмет изучения // *Личность. Культура. Общество.* 2001. Т. 3, вып. 1. (7). URL: http://www.reznicum.ru/lko/jur_reznic_3_1_01_1.htm (дата обращения: 07.09.2013).
  12. *Резник Ю.М.* Культура как предмет изучения // *Личность. Культура...*
3. About this: *Bilalov M.I.* Epistemological ideas in the religious consciousness. M., 2003.
  4. *Dzutsev H.C.* Causes of ethnic tension and extremism in the republics of the North Caucasus Federal district of Russia // *The Scholar Of The South Of Russia.* 2014. № 2.
  5. *Clachan K.* Universal categories of culture // *Identity. Culture.Society.* 2001. So 3, Vol. 2 (8).
  6. Culture and its function. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index172428.html?page=5> (data obrashhenija: 20.07.2013).
  7. *Kushakov W.C.* Problem in spiritual theology and philosophy in the Muslim East // *Islamic culture and world civilization* / edited by D.A. Gushchina. SPb., 2001.
  8. *Los A.* Globalization of culture as the basis of interaction of Westernization and orientalization // *Dialogue of cultures under globalization conditions: materials Baku forum, dedicated to the memory of HeydarAliyev Foundation* / under the general editorship of Mamedov N. M., Chumakov A.N. M., 2012.
  9. *Marshak A.L.* Social and cultural identity: values, meanings and content // *The Scholar Of The South Of Russia.* 2014. № 2.
  10. *Murdoch J.P.* Social structure. M., 2003.
  11. *Reznik Y.M.* Culture as a subject of study of Personality. Culture. Society. 2001. So 3, vol 1. (7). URL: http://www.reznicum.ru/lko/jur_reznic_3_1_01_1.htm (date of access: 07.09.2013).
  12. *Reznik Y. M.* Culture as a subject of study of Personality. Culture...